

Все персонажи данной книги вымышленные,
любые совпадения с реально живущими или жившими
людьми, а также с любыми событиями, имевшими место
в действительности, являются случайными.

«Я хочу увидеть море. Я хочу дышать до головокружения этим воздухом, густым от мерно вздрагивающей водной глади, от криков птиц, пронзительных, как последнее откровение Бога. Я хочу лежать на мокром прибрежном песке, без одежды, без прошлого, без будущего и курить в сырое небо, улыбаясь невероятной свободе каждого движения ветра, удивительной рыбой струящегося по коже. Я хочу собирать разноцветные камни и стирать с лица брызги воды, не открывая глаз, не будя души, почти не существуя, почти став частью окружающего, движущегося, меняющегося, влажного, солёного, такого чуждого и такого понятного. Я хочу потеряться в ласке волн, я хочу забыть себя самого и просто — плыть. Туда, где жизнь окрашивается мягким светом заходящего солнца. Я хочу сидеть на самой кромке воды, на этой дрожащей грани между фантазией и реальностью, нежностью и жестокостью, человеком и... морем».

Аль Квотион. Запчастъ импровизации

приблизительно год назад

Галин искренне считал, что нет на свете ничего красивее закатов. Самых разных. Он мог позволить себе путешествие в любую точку земного шара, и позволял, и видел много больше обычных людей. В том числе — огромное количество закатов: над высокими горными вершинами, ледяные шапки которых солнце на прощание окрашивало красным, и среди небоскрёбов, отражающих лучи безликими, как глаза толпы, окнами; в пустынях песчаных и пустынях каменных, красота которых таилась в отсутствии красоты; над сибирскими сопками, поросшими непроходимым лесом, и африканской саванной, густая трава которой напоминала бескрайнее море. Но выше всего Галин ценил закаты над водой. Но только над большой водой: над широкими реками, гигантскими озёрами, морями и, особенно, океаном. Или океанами, поскольку видел их все и не раз наблюдал, как уходит холодное солнце за ледяные торосы; как играют его лучи по высоченным стенам антарктических айсбергов; или вспыхивают меж грозными тучами во время диких ураганов самого Тихого из океанов. И в каждом таком закате Галин видел нечто особенное. Каждым восхищался, заворожённый чарующим зрелищем воды, забирающей раскалённое светило. Ещё ему нравилось наблюдать, как на ровную или бушующую гладь опускаются и начинают медленно сгущаться сумерки. Но особенно закаты привлекали Галина тем, что именно в то мгновение, когда нижний край солнца касался верхнего края воды, как правило, наступал апофеоз Ритуала, возможного лишь раз в году.

И неизменно вызывающего у него благоговейный трепет.

Наблюдать закаты Галин полюбил много раньше того, как стал проводить Ритуалы. Но их мистическая связь

привела его в восторг: движение умирающего солнца и главное действо года сплетались в энергетический взрыв невиданной силы, наполняющий пришествие ночи таинственным сверхсмыслом, обращающим ночную тьму в божественный туман.

И в том тумане вся Земля возвращалась к царству древних богов...

Но сегодня был тот редкий случай, когда апофеоз ритуала наступил до заката, а не одновременно с ним. И это тоже было хорошо, потому что, насладившись мистическим действием и ощутив пришествие божественного — не во тьму, но на Землю, Галин полностью отдался созерцанию неспешной смерти чудесного дня. Море сегодня оставалось необыкновенно спокойным, небо не таилось в облаках, линия горизонта получилась прямой и отчётливой, и солнце опускалось на неё технично, без особой красоты. Но, благодаря Ритуалу, спокойный, абсолютно простенький закат заставил сердце Галина биться с неистовой силой, стучать так, словно не было на свете картины прекраснее. И важнее. И когда солнце окончательно скрылось, а сумерки принялись обращаться во тьму, Галин шумно выдохнул и медленно провёл по лицу ладонью левой руки, словно снимая с него невидимые и несуществующие капельки воды. Или пота. Наверное, пота, потому что выдохнул Галин как человек уставший, оставивший позади длинный, трудный, но приятный, абсолютно удавшийся день.

Галин встретил закат на широком песчаном пляже, которых так много на западном побережье Крыма. На пляже, оказавшемся сегодня абсолютно безлюдным. Не случайно оказавшемся. Так должно было произойти, потому что Галин всегда точно знал, где проводить Ритуал, где никто не помешает. Ни лично ему, ни самой церемонии, за которой Галин внимательно наблюдал со стороны. Единственный зритель в особенной ложе, которой стал остывший пляж.

А когда всё закончилось, и Ритуал, и закат; когда Избранные сошли в море, уйдя в обитель древних богов, Галин поднялся и подошёл к удивительно красивой баш-

не, созданной, не слепленной, а именно искусно созданной из песка и украшенной ракушками. Башня поднималась почти на два метра и скорее походила на храм, чем на маяк или донжон. Её вершину украшал белый камень, похожий на наконечник копья, который ярко светился во время Ритуала, но потерял всю яркость сейчас. Но не цвет. Галин снял камень с башни, несколько секунд держал в руке, наслаждаясь ещё осязаемым теплом, после чего размахнулся и бросил далеко в воду. И улыбнулся, услышав громкий всплеск воды.

Море приняло подношение.

И начался отсчёт до следующего Ритуала, дату и место проведения которого ему только предстоит вычислить. Затем заняться подготовкой и всё это время ждать, терпеливо ждать следующей возможности насладиться невероятным зрелищем, давно забытой церемонией во славу древних богов людей моря.

Галин посмотрел на воду, которая стала тьмой, и перевёл взгляд на оставленные на берегу вещи: брюки, шорты, платья, футболки, рубашки, кроссовки, сумки... Но взгляд его скользил мельком, без интереса — раскиданные или сложенные аккуратно вещи его не тронули. Он даже не помнил, что и на ком было надето. Да и нужно ли это — помнить? Ведь Ритуал случается каждый год и каждый Избранный уходит навсегда. Зачем их помнить, если они ушли?

Если ушли...

«Зачем я её помню? — Образ той девушки вновь предстал перед глазами Галина. — Зачем?»

Он не знал ответа. Или страшился отвечать. Хотел забыть, но не мог.

Зачем?

«Нужно забыть! Нужно забыть и уйти!»

Галин повернулся к морю спиной и быстрым шагом направился к дороге, где на обочине стояло пять автомобилей. На одном он уедет, остальные обнаружат завтра. И вещи восьмерых человек, но только вещи и документы — сами они исчезли навсегда.

6 августа, вторник

Бывает так, что слово произнесено, слово услышано, слово проникло в тебя... Но не вызвало внутреннего ответа, никаких эмоций. Слово просто пришло, подобно волне, ударившей в прибрежную скалу и откатившейся назад. И, подобно океанским волнам, слово будет накатывать снова и снова, медленно подтачивая ту преграду, которая мешает по-настоящему его принять, и однажды, вполне вероятно, слово сумеет прозвучать так, как должно. Но это случится потом. Скоро или нет — неизвестно, потому что никто не способен точно сказать, когда преграда рухнет. Пока же слово просто прозвучало. Очень важное слово. Он понимал его значимость, но не ощущал её, вообще не ощущал этого сочетания букв — уже дважды произнесённое слово оставалось для него звуком. Пустым звуком, пришедшим в гудящую от боли голову.

— Повтори, пожалуйста, — произнёс он, надеясь, что голос не выдаст охватившего его волнения.

— Феликс, — послушно произнесла девушка. — Тебя зовут Феликс.

«Феликс... Как странно...»

Он понимал, что у него должно быть какое-то имя, но требовалось время, чтобы принять именно это и хотя бы чуть к нему привыкнуть.

— Ты уверена, что меня так зовут?

— Ты так представился.

— Как я это сказал?

— Так и сказал: Феликс.

«Феликс... Феликс — это я. Здравствуйте, я — Феликс. Приятно познакомиться — Феликс. Как вас зовут? А меня — Феликс...»

Он старался изо всех сил, но внутри по-прежнему царила тишина. С другой стороны, что он должен был сделать, услышав имя? Подпрыгнуть и радостно завопить: «Да! Конечно! Я — Феликс!»? Или поправить ворот летней рубашки и с достоинством произнести: «Разумеется, я — Феликс». Как вообще ведут себя Феликсы? В обычной жизни? Что они делают? Как говорят? Почему родители называют детей Феликсами? На спор?

— Я называю тебя Флексом. — Девушка шмыгнула носом.

«Флекс... В принципе, неплохо...»

Это имя прозвучало чуть менее странно, чем предыдущее. Видимо, он начал привыкать к сочетанию букв Ф, Л, К и С.

— Тебе нравится.

— Я сам об этом сказал?

— Догадалась по твоей реакции.

«Догадалась она...»

Теперь Феликс внимательно и безо всякого стеснения, поскольку обстоятельства позволяли, рассмотрел собеседницу.

Стройная, но явно не хрупкая, каждое её движение дышало энергией, показывающей, что девушка не чурается спорта. Очень короткие джинсовые шорты подчёркивают длинные ноги. Белая майка с ярким принтом, под ней — чёрный топ, скрывающий маленькую грудь. Завершают одежду низкие белые кеды. Волосы густые, очень светлые, подстрижены в короткое, оставляющее открытой шею, каре. Сейчас растрёпанное, а из-за того, что волосы девушки немного выются, растрёпанное каре превратилось во взорванное птичье гнездо, однако это обстоятельство придаёт незнакомке шарма. Идеального шарма для красивого лица: выпуклый лоб, прямой нос, большие серые глаза и аккуратный рот — верхняя губа ощутимо тоньше нижней, что в эпоху повсеместной «накачки» выглядит особенно привлекательно.

Выражение лица спокойное, девушка взяла себя в руки, но, когда Феликс только очнулся, он увидел во взгляде тревогу, а в красивых глазах стояли слёзы.

— Флекс, ты... — Она медленно провела рукой по глазам. Слезы уже высохли, но, видимо, память о них ещё оставалась. — Ты меня помнишь?

Говорить правду не хотелось. Даже очень не хотелось. Феликс напрягся, вздохнул и... И задумался над тем, как люди напрягают память. Как напрягать мышцы, он знал. Как сосредотачиваться для решения сложной задачи, тоже. Но как заставлять работать память? Почесать затылок? Помассировать виски? Попробовать поиграть с ассоциациями?

— То есть не помнишь?

Она не обиделась, поскольку понимала обстоятельства, но, судя по тону, была слегка разочарована. Феликс же захотел сказать что-нибудь уместное, однако в следующее мгновение в памяти всплыли обрывочные образы: они в машине, он за рулём, а девушка на соседнем сиденье. Разулась, оставшись в низких белых носочках, подбрала ноги, обхватила руками и положила голову на колени... А вот она развалилась на сиденье, откинув спинку далеко назад, и забросила длинные ноги на торпедо... Получилось игриво. Он то и дело отвлекается от дороги, она это видит и улыбается...

Феликс потряхнул головой.

— Я тебя помню.

Она шумно выдохнула и робко улыбнулась.

— Мы ехали вместе.

— Это всё? — Показалось или в её голосе прозвучали нотки облегчения? — То есть ты не помнишь, что у нас трое детей, ипотека на двенадцать лет и что ты трахнула меня в день моего восемнадцатилетия?

— Врёшь. — У Феликса даже на мгновение не возникло ощущения, что девушка говорит правду.

— Хотела поднять тебе настроение, — рассмеялась она в ответ. — Хоть чуть-чуть.

Она акцентированно произнесла именно так: чуть-чуть, а не чуть-чуть, а он почему-то обратил на это внимание. И понял, что слышит это произношение не в первый раз.

— У тебя получилось.

— Я рада. — Она протянула руку. — Джина.

— Феликс. Ну, если верить твоим словам.

— Можешь сравнить с документами.

— Я пытался поднять настроение тебе.

— Это не мне дали по голове так, что я обо всём забыла.

— Хотел ещё раз увидеть твою улыбку.

— Ты что, клеишь меня? — делано удивилась Джина.

Но улыбнулась.

Как он и хотел.

— А что, уже поздно?

— Когда вспомнишь, в каком смысле поздно, тогда и поговорим.

— Резонно. — Феликс осторожно прикоснулся пальцами к затылку.

— Болит? — участливо спросила девушка.

— Немного. — Он вздохнул и вернулся к делам: —

Почему Джина?

— Потому что Евгения.

— Мне больше нравится... — Феликс поразмыслил, но решил пока оставить всё как есть: — И так, и так.

— Ты только что спас себе жизнь.

— Это инстинктивно. Кто меня избил?

— Я не видела.

— Как так?

— И хорошо, что не видела, — продолжила Джина, не обратив внимания на его вопрос. — Потому что если бы видела, они бы наверняка меня изнасиловали. Ты ведь был без сознания и не мог меня защитить.

— Где же ты пряталась?

— Мы поругались, и я была вон там. — Она махнула рукой в дальний конец стоянки.

— А я?

— Ты был здесь и ждал, что я вернусь.

— А ты?

— Я решила, что так будет лучше.

— Как так?

— Чтобы ты помучился, а потом сильно обрадовался моему возвращению. Поэтому я ушла туда и чучуть там постояла. Отсюда почти совсем не видно.

— А я?

— Когда я повернулась, ты как раз получил по башке.

Эта часть рассказа подтверждалась изрядной шишкой и до сих пор гудящей головой.

— Значит, ты ушла... — Он помолчал. — Поэтому ты с рюкзаком?

Сейчас он валялся на асфальте, там, где Джина его оставила, бросившись на помощь Феликсу.

— Да.

— Мы настолько сильно поругались?

— Прилично.

— Я вёл себя грубо?

— Чучуть грубо.

Он вздохнул и мягко произнёс:

— Я ничего не помню, но прошу меня извинить.

В данных обстоятельствах фраза прозвучала идеально.

— Участок мозга, отвечающий за воспитание, не повреждён, — прокомментировала девушка. — Я довольна.

Феликс хотел вставить пару слов, но не успел.

— Я тоже была виновата, — продолжила Джина. — Ты меня извини, хотя и не помнишь за что.

— Хорошо.

— И только?

— Я сделал что-то не так? — растерялся он.

— А поцеловать?

Растерянность исчезла, а вот смущения не появилось, что Феликсу очень понравилось. И он с улыбкой предложил:

— Давай я сначала тебя вспомню?

— Не затягивай, — улыбнулась Джина. — Не в твоих интересах.

— Я постараюсь.

— Правильный ответ.

— Но ведь детей точно нет?

— Мы не очень давно знакомы, так что детей даже обсудить не успели.

Он кивнул, показав, что доволен их шутивным разговором, и огляделся.

Они находились на большой, неплохо освещённой и абсолютно пустой стоянке, протянувшейся вдоль скоростной трассы метров на сто, не меньше. Трасса, в свою очередь, тоже оказалась не слишком оживлённой, видимо, потому, что наступила ночь.

«Автомобильная магистраль называется “Новороссия”, — вспомнил Феликс. — Мы в Крыму».

А рядом стоит серебристый «Ford Bronco» с выключенным двигателем.

— Это моя машина?

— Да.

Другого ответа Феликс не ожидал, однако кое-какие сомнения у него остались.

— Давно она у меня?

— Сколько я тебя знаю.

Машина выглядела далеко не новой: дизайн прошлого столетия, на кузове заметна ржавчина, хромированный бампер погнут справа, а крышка бензобака явно не штатная.

— Мне машина досталась от бабушки? — кисло осведомился Феликс.

— Сказал, что за те деньги, которые у тебя были, ничего приличнее купить не удалось.

— Я при этом плакал?

— Смеялся.

— Над собой?

— Над тем, каким ты был.

— Раз я не поменял машину, то, наверное, таким и остался.

— Расскажешь, когда вспомнишь.

Феликс хмыкнул и медленно обошёл серебристый внедорожник по часовой стрелке. Три двери, задние сиденья сложены, что изрядно увеличило объём багажника, однако сейчас весь этот объём оказался заполнен месивом из одежды, обуви, пакетов пустых и чем-то наполненных, минимум двумя упаковками с водой, коробками из-под

обуви и пиццы, сумками... Часть этого богатства валялась рядом с распахнутыми дверцами.

— Почему вещи разбросаны? — поинтересовался Феликс.

— Они что-то искали, — ответила Джина.

— Что?

— Я не знаю. А ты?

— А я не помню.

— Извини, забыла.

— А-ха-ха, смешно. — Феликс вновь потрогал затылок. — Нашли?

— Вроде нет.

— Понятия не имею, радоваться этому или печалиться, — выдал Феликс и продолжил осмотр: — Это тоже моё?

К фаркопу внедорожника был прицеплен ярко-красный четырёхколёсный фургон с плавными, округлыми обводами. По одной длинной стороне явно располагался прилавок, сейчас закрытый металлическим ставнем, на другой длинной стенке оказалась дверца. Распахнутая настежь. И если в первое мгновение Феликс решил, что видит жилой трейлер, то после детального осмотра сообщил, что перед ним передвижная закусочная.

— Что это?

— Твой бизнес, — ответила Джина.

— И чем я торгую?

— Хот-догами.

— Вкусными?

— Разными.

— Ты их пробовала?

— Это входит в наше соглашение.

— Я кормлю тебя хот-догами?

— А я тебе помогаю.

— Работаете за еду?

— Ты ещё и деньги мне платишь, — быстро добавила девушка.

— И деньги плачу? — притворно удивился Феликс.

— Сказать сколько?

— Я посмотрю в записях.

— Никогда не видела тебя с бумагами.

— Наめкаешь на то, что я человек скрытный?

— А каким ты себя ощущаешь?

— Ничего не помнящим и потому слегка недоверчивым. — Феликс заглянул внутрь фургона, окинул взглядом кухню, вздохнул и протянул: — То есть ты на меня работаешь?

— А ты думал, я твоя жена?

— Что?

— Испугался?

— Не знаю.

— Почему не знаешь?

— Я не очень хорошо тебя... — Феликс хотел сказать «знаю», но, посмотрев на девушку, решил использовать другое слово. — Я не очень хорошо тебя помню, Джина, возможно, ты лучшее, что случилось со мной в жизни.

— Это ты на всякий случай сказал?

— Стараюсь быть осторожным.

— Не пугайся, я пошутила.

— Вдруг я должен расстраиваться, а не пугаться?

— А ты оптимист.

— Возможно, это следствие потери памяти.

— И потихоньку становишься таким же остроумным, как раньше.

— Значит, не всё потеряно... — Феликс посмотрел на разбросанные вещи. — Ты сможешь или побездельничаешь в сторонке?

— Я думала, ты уже не предложишь, — мило улыбнулась в ответ девушка.

Они быстро покидали в машину и фургон разбросанные вещи, после чего Феликс сел за руль, достал из кармана ключ, вставил его в замок зажигания, но остановился, повернулся, вытащил из-за сиденья кожаную сумку-пояс — «Откуда я знаю, что она должна быть там?», — открыл, достал права, привычным движением вытащил из подстаканника телефон и включил фонарик.

Феликс. Феликс Анатольевич Чашин. Довольно удачное фото, увидев которое он не удержался и посмотрел

на себя в зеркало заднего вида. Всё то же самое, но с поправкой на пару лет: вытянутое лицо, упрямый подбородок, серые глаза и очень короткие светло-русые волосы. Плюс лёгкая небритость.

— Ожидал подвоха? — Джина вновь рассмеялась.

Очень приятно, легко и свободно, так, как Феликсу нравилось.

— Просто решил проверить, — ответил он, убирая права.

— Если бы в документах указывали рост, тебе бы не пришлось таращиться в зеркало, — заметила девушка.

— Я не хвастался, какой он у меня?

— Сто девяносто четыре сантиметра, — тут же ответила Джина. И уточнила: — Я специально спросила при знакомстве.

«А она любознательная».

— Ты тогда говори громче, — рассмеялся Феликс. — Мне, наверно, не всегда всё слышно.

— Если хочешь, я буду всегда на тебя орать.

— А мы точно не женаты?

— Назовём мой крик репетицией семейной жизни.

— Это лишнее, — твёрдо ответил Феликс, заводя двигатель. И вновь замер.

— Забыл, куда ехал? — сочувственно спросила девушка.

— Угу. — Лгать не имело смысла.

— А водить умеешь? — пошутила Джина. — А то, может, мне сесть за руль?

— Водить умею, — уверенно ответил Феликс.

— Тогда вот. — Девушка достала из перчаточного бокса сложенную в несколько раз карту и показала на точку. — Ты говорил, что мы должны оказаться здесь.

— Судак?

— Тудак. Где-то возле него.

— Я пользуюсь картой? — удивился Феликс.

— Не только ей, — не стала скрывать Джина. — На ней у тебя отмечен маршрут. Ты об этом сказал по дороге.

— Понятно. — Феликс вбил в навигатор написанные на карте координаты. — Не так уж далеко.

— Ночью на дорогах пусто, доедем быстро. — Джина сильно откинула назад спинку кресла. — Ты не против, если я посплю?

— Думаю, для всех будет лучше, если ты не дашь спать мне.

— Сделай радио погромче, — предложила девушка.

— Тогда ты не заснёшь.

— Как же плохо ты меня знаешь.

Она поёжилась.

— Подожди. — Феликс обернулся, несколько секунд смотрел на царящий позади бардак, после чего выудил из кучи чёрную толстовку и протянул девушке. — Надень.

— Мне не холодно.

— Тогда перестань ёжиться.

— Просто сделай чуть теплее.

— В тепле я могу заснуть. — Он специально включил кондиционер.

— А-а-а... — Джина натянула толстовку, в которой утонула, застегнула и тихо сказала: — Спасибо.

Феликс ответил:

— Не за что. — И медленно выехал со стоянки. — Что я ещё тебе рассказывал?

— Очень мало.

— Как давно мы знакомы?

— Ты уверен, что хочешь это знать?

— Я уверен, что твой голос не даст мне уснуть.

— Ты всегда был нахалом... Стопроцентным столичным нахалом. — Джина улыбнулась. — Настоящим москвичом.